

О нем трудно писать: по сравнению с тем, что он делает на сцене, любой эпитет отдаст пошлостью. Каждая роль сплетена как кружево, за вторым планом встает третий, образ рождается из созвучия тончайших психологических обертонов... И все это ни на грош не передает его загадки и обаяния. На сцене он кажется небольшим и изящным, с тонкими, аристократическими пальцами, с легкой барственной вальяжностью, изысканными, чуть манерными интонациями — так и хочется приписать все это наследственной аристократической стати. А в жизни бросаются в глаза рост под два метра, простоватый рот — деревенская косточка, крестьянский сын... Таков Иннокентий Смоктунковский, крупнейший на сегодняшний день актер русского психологического театра.

...Его семья бежала от коллективизации в город: отец работал грузчиком в красноярском порту, мать устроилась на мясокомбинат. От голода спасали обрезки мяса, которые удавалось соскрести с не пошедших в дело костей. Иннокентий, третий ребенок, не был любимцем родителей, и его взяла на воспитание тетка. Школу пришлось бросить, он учился на фельдшера, позже на киномеханика... А потом была война.

Отца, рыжеволосого, веселого гиганта, Смоктунковский любил больше всех в семье. Провожая его на фронт, он чувствовал, что больше увидеться не придется, и сердце не обмануло — вскоре в дом пришла похоронка. А через некоторое время он сам стал курсантом военного училища.

В первый раз его судьба надломилась, когда с него, в учебное время собиравшего оставшуюся в поле картошку, сорвали погоны и отправили на фронт, в пекло Курской дуги. Второй — когда сильно потрепанный полк, оказавшись в окружении, был разгромлен немцами. Там, на Днепровском плацдарме, Смоктунковский попал в плен.

По дороге в концлагерь он бежал из колонны пленных. Во всех его биографиях можно прочесть, как раненый, голодный, в жару пробирался он к линии фронта, и на Житомирщине его подобрала случайно оказавшаяся рядом крестьянка...

— Иннокентий Михайлович, так оно все и было?

— Я ни разу не был ранен. Честное слово, самому странно — два года настоящей, страшной фронтовой жизни: стоял под дулами немецких автоматов, дрался в окружении, бежал из плена... А вот ранен не был. Землей при бомбежке меня, правда, как-то засыпало — да так, что из торфа одни ботинки с обмотками торчали.

Мне посчастливилось бежать, когда нас гнали в лагерь. Был и другой выход — желающим предлагали службу в РОА... Но меня он не устроил. К линии фронта я не шел — это миф, «ложь во спасенье», еще совсем недавно неизбежная в публикациях на военную тему. Меня, восемнадцатилетнего, измученного мальчишку, вел инстинкт самосохранения. Я выводывал у крестьян, где побольше лесов и болот, где меньше шоссе и железных дорог, и шел туда. Фашистам там нечего было делать — в отличие от партизан.

Так я добрал до поселка Дмитровка. Шесть-семь хат, вокруг дымки от незамерзающего болота, утро такое раннее, что все еще спят... Постучался в ближайшую дверь, и мне открыли. Я сделал шаг, попытался что-то сказать — и впал в полудурное состояние. Меня подняли, отнесли на кровать, накормили, вымыли в бане. Мыли меня несколько девушек — и уж как они хохотали! А я — живой ске-

лет, с присохшим к позвоночнику животом, торчащими ребрами — слабо отбивался, лепетал: «Не надо, не надо...»

В этом поселке я прожил около месяца — до тех пор, пока не произошел решивший мою дальнейшую судьбу случай. Там был красивый человек, сапожник, заросший густой бородой и совсем не говоривший по-русски. Однажды он зашел к нам поужинать. Я случайно вышел во двор и увидел, как к нашей хате подъехал несколько повозок, а в них — люди с винтовками. Я понял, что они приехали за мной, и притаился за сугробом. К ним вышел мой бородач, и я стал свидетелем их разговора. Оказалось, что он говорит по-русски не хуже меня, а в придачу является заместителем командира партизанского отряда по политчасти. Когда «гости» уехали, я вошел в дом и сказал: «А я знаю, кто ты такой...» Договорить не успел — он бросился на меня, смял, схватил за горло: «Если пискнешь — придушу на месте!»

Через день меня забрали и увезли в лес. По дороге били,

1993 - 26 июня - с. 7

КНЯЗЬ МЫШКИН ИЗ НОРИЛЬСКА

Биография Иннокентия СМОКТУНОВСКОГО, рассказанная с его участием

но как-то странно — не в лицо, не в живот, а все больше по ногам. Били и выпытывали, не подослан ли я. На следующее утро меня привели к нашему «сапожнику». «Извини, окруженец, я знал, кто ты, но в этом надо было убедить моих хлопцев». В его отряде я и воевал — до тех пор, пока мы не соединились с частями Красной Армии.

— Что ж, пойдём дальше — вслед за вашими биографами. После войны, вернувшись в Красноярск, вы собирались сдавать экзамены в лесотехнический институт, а поступили в театральную студию. Но проучились в ней недолго. Приезжий директор театра набирал труппу, и вы, получив аванс, отправились в Норильск...

— Из театральной студии меня выгнали. Сказались и возраст, и отсутствие воспитания — я противопоставил себя коллективу, с кем-то подражал... А в Норильск поехал потому, что дальше него меня, бывшего военнопленного, никуда не могли сослать — разве что на Северный полюс.

Неподалеку от Красноярска жил мой знакомый, тоже отбывавший плена. У нас с ним был условный пароль: если все обстоит хорошо, регулярно отправляем друг другу открытки со словами: «Дядя Вася чувствует себя прекрасно». И вдруг открытки нет. Приезжаю к нему, а мать в слезах — забрали.

Вот я и решил затеряться в Норильске, девятом круге сталинского ада, среди сыльных и лагерей. А потом, мне просто некуда было податься — по положению о паспортном режиме я не имел права жить в тридцати девяти городах. Меня и в Красноярск-то пустили только потому, что я родом оттуда. Вы не поверите, но меня и из Норильска хотели выставить — непонятно, правда, куда. Так бы и сделали, да отмолили директор театра Дучман — низкий ему за это поклон.

В своей добровольной ссылке я провел четыре года, подорвал здоровье, потерял все зубы. Но там же прошел прекрасную профессиональную школу. В Норильске работали бывшие заключенные актеры театров ГУЛАГа: Юрская, Шлагин, Лукьянов, Жженов — с ним я особенно

подружился. Такое созвездие талантов можно было встретить только в старом Малом и во МХАТе. Благодаря им я и стал артистом. Во время моей дальнейшей одиссеи (а я играл по всей России — от Крайнего Севера до Кавказского хребта) мне уже были по плечу ведущие роли... А что было дальше, вы, наверное, знаете.

— Итак, в начале 1955 года Смоктунковский, никому не известный периферийный актер, приезжает в Москву. Он обошел 7—8 театров, и всюду ему отказали. Когда кончились деньги, он жил впроголодь, продавал одежду, но из столицы не уезжал, пока не удалось получить работу на разовых в театре Ленинского комсомола. Смоктунковский выходил в ролях без слов, пробовался на киностудиях, ночевал в гримборной, а то и просто на подоконнике, считая гроши, зимой и летом ходил в стоптанных сандалиях и в старом лыжном костюме... Он не ждал чуда. Но чудо произошло: в 1956 году пришла роль лейтенанта Фарбера в «Солдатах», в 1957-м

1993 - 26 июня - с. 7

КНЯЗЬ МЫШКИН ИЗ НОРИЛЬСКА

Биография Иннокентия СМОКТУНОВСКОГО, рассказанная с его участием

работа в БДТ и роль князя Мышкина. Так начался тот Смоктунковский, которого мы знаем.

И все же дело, думается, было не в чуде: наступало новое время, и вы пришли ему ко двору. В тридцатые—сороковые ваши герои, напрочь лишенные социального пафоса, утонченные, со сложным, неоднозначным внутренним миром, не нашли бы себе места ни на сцене, ни тем более на экране. Ваш князь Мышкин, сыгранный в 1957 году, был одним из первых признаков назревающих в общественной атмосфере перемен...

— Нет, все же это было чудом — ведь остаться в Москве приезшему человеку было почти невозможно. Чудом было и то, что в конце концов меня приняли в труппу Театра киноактера — зря честное слово, что я не буду проситься в кино. Из Театра киноактера я давно ушел, а слово держу: если мне не предлагают роль в кино, я ее не прошу.

— Иннокентий Михайлович, из всех ваших театральных ролей, что были на моей памяти, мне больше всего запомнился Иудушка в старом, 1981 года, спектакле «Господа Головлевы». Сразу после премьеры я писал о нем так:

«Иудушка Смоктунковского молчалив и вкрадчив, у него осторожная пластика; очерченную жертву он мягко, как паука паутиной, обволакивает словами. Он невозмутим и безжалостен, со своими близкими он разделяется с холодным, почти механическим артистизмом, но вдруг, вдруг... Вдруг он открывает в себе душу: способность и сострадание, умение ужаснуться тому, что он сделал. Открывает — и гибнет, потому что с такой ношей на сердце жить нельзя...»

— Этот спектакль, поставленный замечательным режиссером Львом Додиним, был очень недурен — и все же в процессе работы что-то важное было упущено. Иудушка — огромная роль, а времени в нашем распоряжении было мало... Впрочем, если и есть здесь чья-то вина, то она, разумеется, целиком моя — режиссера я не могу упрекнуть ни в чем.

Что ж, у любого актера бывают периоды спада и затормо-

женности. Психофизическая нагрузка порой бывает так велика, что сдает организм. Работая над князем Мышкиным и Гамлетом, я чуть не потерял зрение: перенапряжение вылилось в туберкулез глаз. От слепоты меня спасли парное молоко и сырые овощи...

Так что вместо Иудушки я бы, пожалуй, упомянул Царя Федора. Эта роль близко подошла к моей единственной... боюсь сказать, великой работе — князю Мышкину.

— Иннокентий Михайлович, те, кто вас знает, говорят, что газетная бумага ни на грош не передает вашего шарма собеседника, участника застолья. Согласны ли вы с ними? Что вы любите, чем увлекаетесь?

— Когда мне хорошо, я стараюсь принести радость тем, кто по душе. Тогда, кажется, я бываю раскован и прост. Боюсь только, что в последнее время это случается все реже и реже — нынче и застолья-то стали редки.

У меня неплохая библиотека, я увлекаюсь видеосъемкой... Очень люблю животных. До

1993 - 26 июня - с. 7

КНЯЗЬ МЫШКИН ИЗ НОРИЛЬСКА

Биография Иннокентия СМОКТУНОВСКОГО, рассказанная с его участием

прошлого года у меня жили два поугайчика, но один из них умер, а второго — чтобы он не скучал — я отдал в Дом пионеров. Мой лучший друг — американский коккер-спаниэль Жан, умница и философ, знающий цену и собакам, и людям... Вот вроде бы и все.

— Если бы я не брал у вас интервью, а работал над статьей, я обязательно закончил бы ее в «высоком штите». Скажем, вот так:

«...Недавно во МХАТе произошло нечто необычное. После того как отыграли «Кабалу святош» Мольера, на сцену поднялся военный и приколол к камзолу Людовика XIV — Смоктунковского медаль «За отвагу» (он был представлен к ней в 1943 году за то, что переплыл с секретным пакетом Днепр). Актер стоял на авансцене, лицом к залу, и солдатская награда поблескивала на фоне королевских кружев — сын крестьян, правнук шляхтичей, осевших в Сибири польских ссыльных...»

— И дали бы маху. Мой прадед не был дворянином и в январском восстании 1861 года участия не принимал. Он служил егерем в Беловежской пуще и в 1861 году убил зубра. Кто-то наступал, и его сослали в Сибирь — вместе со всей семьей.

О том, что я переплыл Днепр, многие писали — но это поэтическое — преувеличение. Я был очень длинным и тощим и поэтому сумел перейти вброд одну из его протоков.

По крови я не поляк, а белорус. И фамилия у меня на самом деле не Смоктунковский, а Смоктунвич. Представляете, какую реакцию она вызвала у борцов с сионизмом?

В свое время, когда меня выгоняли из Норильска, меня вызвал к себе Дучман, директор театра, о котором я уже говорил.

— Что это у тебя за фамилия такая — Смоктунвич? Ты что, еврей? Возьми другую, а то тебя, чего доброго, и впрямь на Северный полюс загонят...

Фамилия я менять не стал, а окончание сменил. Секрета не делал, но ни один журналист об этом так и не написал.

Может, хоть у вас получится?

Беседу вел
Алексей ФИЛИПОВ.